

Автор : Чужие мысли вслух

Где-то в сторону Алты :

эссе с видом на море,
которое помнит всё, что я забыл

Чужие Вслух

Где-то в сторону Ялты: эссе с видом на море, которое помнит всё, что я забыл

<https://litres.ru/74354242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы не найдёте здесь карт или советов. Но если после прочтения вам захочется поехать в сторону Ялты — не в саму Ялту, а просто в ту сторону, — просто встать на гальку и не говорить ни слова, значит, мы поняли друг друга. И значит, море, которое помнит всё, помнит теперь и нас.

С берега, который всё ещё держит тепло. Смотри. Дыши. Молчи.

Содержание

Предисловие	4
Где-то в сторону Ялты: эссе с видом на море, которое помнит всё, что я забыл	5
P.S.	7
Три дня до горизонта	9
«Приличный человек за два дня до поездки на море»	13
Канун отъезда	16
Дорога на юг	20
Кореновск, три часа ночи	24
Утро в Кореновске	28
"Вдоль дороги, или Заметки о совершенстве"	31
Оптика степи, или Мост как попытка самоопределения	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Чужие Вслух

**Где-то в сторону Ялты: эссе
с видом на море, которое
помнит всё, что я забыл**

Предисловие

Где-то в сторону Ялты: эссе с видом на море, которое помнит всё, что я забыл

В сущности, когда человек перестаёт узнавать собственное отражение в воде — не в этой бытовой луже, не в застывшем стекле оконной рамы, а в огромной, живой, дышащей тяжести, называемой Черным морем, он делает первый шаг к тому, чтобы наконец увидеть. Увидеть не себя, а масштаб того, перед чем «я» — лишь пунктир на карте. Ибо море в этом смысле и есть настоящее зрение: оно не искажает, оно вычитает лишнее. Оставляет только суть — и собственный испуг перед бесконечностью.

Эти страницы — не география. Скорее, попытка стоять на коленях перед стихией, которая не требует коленопреклонений. Вода здесь выступает в роли единственного свидетеля, чья память абсолютна, а милосердие — в том, что она молчит. Всё, что составляло душу, вся эта амальгама из света, тишины, детских надежд и того особого вкуса соли на губах, который не спутать ни с чем, всё это не просто «на дне». Всё

это и есть вода. Море не хранит секреты. Море ими дышит.

Признаваться в любви морю — всё равно что признаваться в любви времени. Оно шире, старше и куда благороднее, что бы отвечать нам взаимностью. И тем не менее, за неимением лучшего собеседника, способного на полное, абсолютное безмолвие, выбираешь это холодное, солёное, почти божественное «ты». Оно не оценивает. Оно не осуждает. Оно просто есть — и этим уже всё сказано. Потому эта книга — не исследование. Это всего лишь задержанное дыхание перед тем, как волна накрывает голову.

Смотришь на горизонт — и понимаешь: всё, что ты успел забыть, от первого рассвета до последнего взгляда через плечо, там. В этой бесконечной, тяжелой, прекрасной черноте, которая при дневном свете становится синей, потом бирюзовой, потом вовсе прозрачной, но не теряет глубины. Человек помнит лицо. Море помнит всё. И в этом неравенстве — величайшая справедливость. Потому что сидеть на берегу, смотреть и ни о чём не жалеть — это, наверное, и есть самый точный способ быть счастливым.

P.S.

Тот, кто возьмёт эту книгу, вероятно, уже знает то, что я только пытаюсь выговорить. А именно: что море не нуждается в наших словах. Оно нуждается в нашем молчании рядом с собой. Поэтому я не призываю вас любить воду — это всё равно что призывать дышать. Я призываю другое: в следующий раз, когда окажетесь на берегу, не доставайте телефон. Не ищите ракурс. Просто сядьте. Смотрите столько, сколько сможете. До онемения в спине. До того момента, когда горизонт перестанет быть линией и станет ответом.

И когда вам покажется, что вы ничего не чувствуете — ни тоски, ни восторга, ни боли, — знайте: это и есть главное. Потому что море не вызывает чувств. Море их отменяет. Оставляет только вас самого — без кожи, без возраста, без имени. А это, согласитесь, дороже любого признания.

Вы не найдёте здесь карт или советов. Но если после прочтения вам захочется поехать в сторону Ялты — не в саму Ялту, а просто в ту сторону, — просто встать на гальку и не говорить ни слова, значит, мы поняли друг друга. И значит, море, которое помнит всё, помнит теперь и нас.

С берега, который всё ещё держит тепло.Смотри. Дыши.
Молчи.

Три дня до горизонта

Чемодан раскрыт на полу. Он похож на пасть антрацитового цвета, и я, как перед дальней дорогой, перебираю добро: плавки, пару хлопковых рубаш, потрёпанный томик «Одиссеи» (всё равно не открою), сандалии, которые натирают, но которые помнят Анапу.

Жизнь не уместается в чемодан. Совсем. Она уместается только в зазор между застёжкой и молнией, туда, где палец ищет сопротивление, где воздух уже другой. Всё остальное — экспонаты. Музейные вещи.

На кухне пахнет курицей, запечённой с чесноком, и только что испечёнными пирожками с капустой. Я заворачиваю их в пергамент, потом в фольгу, потом в полотенце. Дорога любит простоту. Термос, кофе в зёрнах — буду мучиться с ручной мельницей на трассе, плитка тёмного шоколада. Глюкоза мозгу, когда асфальт начнёт рябить.

И вот это сейчас — когда вещи ещё на полу, а маршрут только в голове, это и есть главное. Не сам отпуск. Это пред-

вкушение плотнее, гуще, реальнее. Потому что в нём нет запаха бензина. Нет тошноты на серпантине. Нет спора о том, кто забыл походный чайник. В нём есть только чистое обещание счастья. Не разбавленное ничем.

Я закрываю глаза и собираю прошлый отпуск по обрывкам памяти, как рассыпавшуюся мозаику.

Вот сама дорога. Раннее утро, ещё затемно. Мы выезжаем, чтобы пробежать пробки. В машине пахнет кожей, кофе из термоса и этими самыми пирожками, они ещё горячие, и мы жуём их на ходу, обжигая пальцы. Остановка на заправке за Краснодаром. Мороженое в стаканчиках — пломбир, который тает быстрее, чем находишь мелочь. Горелка, чихающая как паровоз. Кофе, сваренный на асфальте, под рёв проносщихся фур. Мы пьём его из походных кружек, и это самый вкусный кофе в мире. Шоколад ломается по долькам — ни одного ровного края, и это правильно.

Вот вечер на привале. Алычовое дерево склоняется над самодельным столом. Алыча падает рядом, кисло-сладкая, глухо ударяясь о землю, и мы даже не стряхиваем её — пусть лежит. Кто-то читает книгу и засыпает на третьей странице. Кто-то смотрит на звёзды и молчит. А потом этот кто-то говорит: «Хорошо-то как». И все молчат в ответ. Потому что сказать больше нечего. И это молчание — лучшее, что было

сказано за две недели.

А обратный путь. Инжир. Мы везём его в каждой щели машины: в подстаканнике, под сиденьем, в кармане спортивной кофты, в бардачке рядом с шоколадом. Сладкий, липкий. Месяц потом машина пахнет югом. Месяц потом в ней живёт отпуск.

И три часа молчания на спуске к Анапе. Радиоприёмник ловит только шорох. Ветер в открытое окно путает волосы. И все — счастливы. Я теперь это знаю точно. Потому что у счастья нет громких слов. У него есть только поза: усталые, загорелые люди в быстро бегущей машине, которым не нужно ничего доказывать друг другу.

Это счастье. Оно было. Оно настоящее.

А сейчас — ностальгия. Но она странная. Она не о том, как хорошо было «там». Она о том, как воздух тогда ложился на плечо. Как ветер на трассе сушил губы. Как косточка алычи, забытая под ковриком, напоминала о себе в ноябре, когда за окном уже снег.

Ностальгия — это не по времени. Это по расстоянию между телом и миром.

Чемодан закрыт. Я поднимаю его — он весит ровно столько, сколько нужно, чтобы помнить: дом там, где не можешь уснуть от тишины. А море — просто вечность, в которой уместается всё, что ты забыл сказать в суете.

Продукты в дорогу: курица запечёная, пирожки с капустой, ещё тёплые. Шоколад в бардачке. Ключ на старт.

Три дня до Ялты.

И одна жизнь — в зазоре между застёжкой и молнией.

«Приличный человек за два дня до поездки на море»

Знаете, у меня всегда было ощущение, что самое трудное в путешествии — это не дорога. И не возвращение. А вот эти два дня перед. Когда ты уже мысленно там, слышишь, как шуршит галька под ногами, чувствуешь этот тяжёлый, солёный воздух, который невозможно вдохнуть до конца, а физически всё ещё здесь. И нужно что-то делать. Что-то очень земное, очень скучное, без чего, впрочем, никак.

Так вот. Приличный человек за два дня до поездки на море, верно, готовит машину к дороге. Я отвёз её на техническое обслуживание с утра, ещё до того, как город окончательно проснулся. Тормозные колодки должны быть свежее всех свежих. Уж больно их любит серпантин. А серпантин любит нас — всех, кто верит, что за следующим поворотом обязательно откроется вода. И чтобы эта вера не оказалась последней, колодки меняют. Это такая мелкая жертва безопасности, почти нежная.

Конец августа. Зелень уже не та, что в июне. Не напитана, не наглажена влагой, а какая-то уставшая, с краями, подгоревшими на медленном огне этого лета. Погода собирает сезон в антресоль — аккуратно, с чувством, что пригодится, но не скоро. И начинает доставать осень. Пахнет уже не травой, а листом, который решил умереть заживо, чтобы не мучиться. Я стою, смотрю на эту начинающуюся канитель и думаю: ведь совсем скоро я снова окажусь в лете. Как это странно. Оно здесь кончается, а там — ещё нет. Или наоборот. География — жестокая вещь, она не спрашивает, готов ли ты к холоду, когда дома уже пьёшь чай с пледом.

Потом я сажусь и еду мыть автомобиль. Мойка самообслуживания, место для медитации пролетариата. Струя бьёт в днище, из-под арок течёт ржавая память о прошлых лужах. Я обхожу её, как лошадь перед дальним переходом: шины, стёкла, зеркала. В зеркалах — моё лицо, которое ещё не загорело, но уже обещает это сделать. После мойки — крепление верхнего багажника. Дуга за дугой, пластик к пластику. Он должен уместить жизнь длиной в две недели. Жизнь, как известно, тяжёлая штука. Особенно если ты решил взять с собой палатку, три книги, из которых прочитаешь одну, и чувство, что ничего не случится.

Вечером я сяду за руль уже свежего автомобиля, включу ближний свет — солнце сядет внезапно, по-осеннему —

и поеду домой собирать вещи. А завтра — последний день. Буду проверять давление в запаске, доливать омывайку, искать переходник для зарядки, который всегда лежит там, где его не должно быть. И в голове будет стучать одна нелепая мысль: главное в поездке на море — это не море. А то, что ты делаешь за два дня до него. Тормоза. Колодки. Багажник. И зелень, которая уже уходит, пока ты ещё здесь.

Канун отъезда

Одни сутки. Конец августа — пауза между жарой и прохладой, когда воздух висит как простыня на верёвке: уже не мокрая, но ещё не сухая. Свет оседает на листьях липкой пылью, на асфальте — маслянистой плёнкой, на коже — не загаром, а памятью о загаре. И идёшь по двору, а время застыло, как в банке с компотом: фрукты ещё на плаву, но сахар уже осел на дно. На столе — остатки. Чемодан, набитый ещё вчера, стоит в прихожей, выпятив пластиковый бок, как сытая акула. А я шарю по шкафам, по ящикам комода, собираю то, что забыл. Забытое, как правило, самое нужное. Второй ремень. Пластырь. Очки для чтения, без которых не прочесть ни этикетки на минеральной, ни собственной мысли на пляже.

С каждой сумкой, брошенной в багажник, машина оседает всё ниже. Я выхожу с рюкзаком — она вздыхает пружинами. Я возвращаюсь с пакетом — она стонет амортизаторами. Серая, как старая мышь, она терпит эту поклажу, не ропщет, только тяжелеет на глазах, всё глубже вдавливая колёса в августовский асфальт. Задний бампер почти касается

земли. Мне кажется, если доложить ещё одну пару сандалий, машина ляжет брюхом на дорогу и откажется ехать. Или, наоборот, от тяжести обретёт такую инерцию, что её уже ничто не остановит. Ни тормоза, ни совесть. И я смотрю на неё и понимаю: тяжесть багажа — это ничто по сравнению с тяжестью того, что я везу не в багажнике.

Одни сутки. Удивительное время — не утро и не вечер, а какая-то височная складка, где прошлое ещё в затылок дышит, а будущее глядит из-за плеча. Сажусь на продавленный стул, свидетель сорока моих разговоров, сказанных в никуда. Пальцы трогают зажигалку, потом её же кладут обратно. Зачем на море зажигалку, если я не курю? А вдруг — знак? Вдруг там, на пустынном берегу, встретится тот, у кого есть сигареты, но нет огня? Такие встречи, как известно, меняют жизнь. Или нет.

Я покидаю дом. Не насовсем, на две недели, которые в календаре выглядят огромно, а в памяти спрессуются в один долгий полдень. Ехать две с половиной тысячи километров. Что бы что? Вопрос этот, как мелкий гравий в ботинке, — не хромаешь, но вся походка меняется.

Быть счастливым? Счастье — субстанция не кочевая. Оно прорастает там, где стоит стул. Я бываю счастлив и здесь, в этой комнате с исцарапанным кошкой стулом и запахом

воска из подсвечника. Значит, не затем.

Сбежать от суеты? Суета — это я сам, её жила и её клапан. Бежать от себя, маршрут, на котором топливо кончается быстрее, чем дорога. Исчезнуть? Но даже исчезновение требует зрителя. А зритель — я же.

Модное словосочетание — «новые впечатления»? Впечатления старые, как амфора на дне. Я был на этом море десять раз. Оно всё то же: запах йода, шорох гальки, продавщица кукурузы с неистребимой улыбкой. Ощущения старые, но приятные. Как надевать выстиранную рубашу, ещё помнящую уют.

Я застёгиваю рюкзак — последний, мятый, запасной. Кидаю в него, паспорт, который лежал в ящике для ненужного, бутылку воды. И замираю.

Понимаю. Я готовлюсь к очень важной встрече. Не с морем, не с югом, не с отпуском. С тем, кто останется здесь. Кто выключит свет в коридоре, проверит кран на кухне, закроет окно и сядет в машину, повернёт ключ зажигания. Через сутки я исчезну из этой квартиры, как исчезает рисунок с тёплого стекла, когда запотевание проходит. А встреча, она в том, чтобы узнать себя по ту сторону двух с половиной тысяч километров. И не удивиться.

Я надеваю всё лучшее. Это значит — то, в чём не стыдно предстать перед собой. Беру только нужное — но нужное, как выясняется, это и есть забытое.

Одни сутки. Тишина в квартире становится плотной, почти осязаемой. Где-то внизу хлопает дверь подъезда — чужой уходит, чужой возвращается. Я остаюсь. Чтобы завтра уехать.

Ключи кладу в левый карман спортивной кофты — на счастье. Хотя счастье здесь ни при чём.

Дорога на юг

Первый день. Асфальт стелется под колёса, как рулон серой бумаги, на которой ещё ничего не написано. За окном — поля. Сначала пахло полынью, сухой горькой свободой. Потом — мокрой землёй с примесью навоза, что всегда есть в этом климате за неделю до сентября. Потом — просто пылью, нагретой до состояния, когда запах перестаёшь различать, а начинаешь осязать его язык.

Заправки. Как чётки на этом пути — через каждые сто километров. На третьей заправке я увидел её. Собака сидела у входа в магазин, подобрала под себя хвост, и смотрела так, будто ждала именно меня. Чёрная, с подпалинами, размером с недописанное письмо. Я открыл багажник, достал пакет с кормом — купленным ещё в городе, три дня назад, когда точно знал, что встречу. Всегда знаю. Всегда жду. Готовлюсь к этим встречам как к главным событиям поездки — больше, чем к морю. Собака ела осторожно, поглядывая на меня без благодарности, но с каким-то древним пониманием. Я погладил её за ухом — жёсткая шерсть, пахнувшая бензином и дорогой.

Ещё через сто километров — кот. Рыжий, но выцветший до цвета осенней листвы, с ухом, которого не хватало. Он лежал у мусорного бака, свернувшись в узел, и не встал. Только приоткрыл один глаз — жёлтый, с вертикальной щелью, равнодушный и одновременно внимательный, как старый философ. Я насыпал корм на край асфальта. Кот не двинулся. Я отошёл на три шага. Тогда он поднялся — медленно, с достоинством, — подошёл к корму и начал есть, не глядя на меня. Это было великодушнее, чем любая благодарность. Он позволил мне сделать то, что я хотел. Животных я уважаю. И этот кот уважал меня — настолько, чтобы не унижать ложной лаской.

Заметил странное: чем ближе к югу, тем собаки мельче. Под Тамбовом — здоровенные дворяги, серьёзные, как охранники. Воронежские — помесь овчарок с неизвестностью. А вот на подступах к Ростову появились какие-то маломерки, похожие на живые узелки. Ближе к Кубани — совсем крошки: помесь таксы с тоской. Будто сама земля мельчает к морю, сжимается, готовится к обрыву.

Остановился в поле. Час дня, жара, ни души. Достал горелку, турку, воду из пятилитровой бутылки. Кофе варил долго, не спеша — всё равно ехать и ехать. Пил из алюминиевой кружки, смотрел на горизонт. Там, за этим горизонтом,

но ещё невидимое, лежало море. Я уже предвкушал его, как вкус во рту до того, как положил еду. Это особое состояние: когда тело ещё здесь, в степи, среди ковыля и кузнечиков, а мозг уже там, где вода занимает весь обзор. Предвкушение моря — оно слаще самого моря. Потому что в нём нет соли, которая разъедает глаза, нет медуз, нет толпы.

Ближе к ночи тьма за окном стала плотной, как чернила. Трасса опустела. Только фуры, тяжело дышащие на подъёмах. Я знал, что в три часа ночи буду в Кореновске — маленьком городке, где останавливаюсь всегда. И там, едва открыв дверь машины, я почувствовал этот запах. Не цветов, не выхлопа, не хлеба из придорожной пекарни. Другой. Тот самый, который нельзя спутать ни с чем.

Море посылает его вперёд себя — как письмо, сложенное вчетверо и запечатанное сургучом, на котором нет адреса, но курьер знает, куда идти. Как приглашение, вынутое из конверта ещё до того, как разорвали клапан, и ты уже чувствуешь, что это не счёт и не повестка, а что-то, от чего теплеет в груди. Море не кричит о себе. Оно шепчет. Оно посылает гонца за сотню километров — тонкую, почти невесомую молекулу йода, осевшую на молекулу соли, растворённую в молекуле влаги, — и этот гонец находит тебя в три часа ночи на залитой луной парковке провинциального городка. Ты стоишь, и тебе никто не звонил, никто не писал, но ты по-

лучил весть. Море приглашает тебя зайти. Оно говорит: «Я здесь. Я то же самое, что было в прошлом году, и то же самое, что будет в следующем. Но ты приезжай — потому что ты изменился, а я умею замечать перемены». И ты держишь это приглашение в себе ещё нераспечатанным, боясь спугнуть, боясь поверить слишком рано.

Я стоял и дышал. Нет — я вбирал этот запах, как вбирают тишину после долгого шума: с облегчением, с недоверием, с боязнью, что она вот-вот нарушится. Море было ещё за двести километров. Но оно уже сидело в моём носу, в горле, в том странном месте между ключицами, где хранятся вещи, о которых не говорят вслух.

Первый день в дороге закончился. Завтра я его увижу. А сегодня я его уже почувствовал — и этого достаточно.

Кореновск, три часа ночи

В регистратуре горел один бра. Девушка за стойкой — блондинка с тонким запястьем, на котором болтались пластиковые часы, и голубыми уставшими глазами. Волосы собраны в узел, который уже пытался распуститься. Она из всех сил пытается изобразить радость. Уголки губ ползут вверх, но глаза выдают правду: она рада была бы только одному — сомкнутому векам, тишине, отсутствию меня с моим рюкзаком и пылью тысячи километров.

Моё присутствие — мелкая неприятность, как комар под потолком. Ну и ладно. Я стараюсь быть вежливым и быстрым.

— Доброй ночи. У меня бронь.

Протягиваю паспорт — раскрытым на нужной странице, чтобы она не листала. Она берёт двумя пальцами, смотрит в экран, печатает. Отдаёт ключ. Пластиковую карточку, холодную и гладкую.

— Третий этаж. Завтрак с восьми.

— Спасибо. Хорошей вам ночи.

Она кивает без улыбки. Я забираю ключ — от моего дома на ближайшие девять часов. Странное чувство: брать в руки разрешение на чужую территорию. Чужую постель. Чужую тишину.

Поднимаюсь. Лифт пахнет озоном и сушёной ромашкой — будто здесь когда-то открывали аптечку и запах остался навсегда. Третий этаж, длинный коридор, ковровая дорожка, глушащая шаги. Дверь открывается с писком электроники.

Номер хороший. Это сразу видно: не казённый, а с душой. Свежее бельё, деревянные панели на стенах, ни целлофана на пульте. Даже картина — не репродукция, а акварель, местная, с подсолнухами. Я выдыхаю. Только теперь, за закрытой дверью, понимаю, как сильно устал.

Рюкзак падает на пол. Сажусь на кровать — она проминается подо мной, но не жалобно, а как-то уютно. Еда. Курица — холодная, с застывшим жиром на коже, распадается на волокна от одного прикосновения. Пирожки с картошкой — ссохшиеся по краям, но внутри ещё хранящие тепло прежних дней, когда они только достались из духовки. В три часа

ночи, без вилки, с развёрнутой фольги на тумбочке — это почти счастье.

Кофе. Растворимый. Кипяток из пластикового чайника, ложка гранул, размешанная ручкой, потому что ложку забыл. Пью обжигаясь. Не ради вкуса — ради того глотка, который отделит дорогу от сна.

Потом — душ. Вода еле тёплая, но она смывает не грязь. Она смывает километры. Тамбов, Воронеж, Ростов. Пыль полей, бензин заправок, запах полыни, застрявший в ноздрях. Я стою под водой и чувствую, как уходит дорога.

Выхожу. Ноги — ватные. Не мои. Они продолжают жать на педали, которых нет. Даже лёжа на кровати, я всё ещё еду. Странное ощущение — когда тело уже остановилось, а вестибулярный аппарат продолжает гнать тебя сквозь ночь. Кровать покачивается, стены давят, как теснина трассы, а в голове, белая разметка, уходящая в бесконечность. Я знаю это чувство. Оно будет преследовать меня ещё долго. Всю ночь. А завтра сяду за руль — и оно исчезнет, потому что совпадёт с реальностью.

Свет выключаю. За окном уже расцветает милый Кореновск — розовеют крыши, просыпаются петухи где-то за гаражами, и воздух становится прозрачно-утренним. Море —

ещё двести километров. Но запах его уже здесь. Он остался на спортивной куртке, на волосах, на подушке.

Засыпаю. И во сне всё ещё еду. По той же дороге. К тому же морю.

Утро в Кореновске

Сознание туманное. Открываешь глаза и не сразу вспоминаешь, где ты. Потолок чужой, люстра незнакомая, и только акварель с подсолнухами на стене возвращает к реальности: Кореновск. Три часа ночи. Гостиница. Вчерашняя дорога.

Зато я не просыпался. Впервые за полгода. Ни разу за ночь. Это такая роскошь, что хочется полежать ещё, боясь спугнуть. Дорога лечит бессонницу лучше любых таблеток — укачивает, выматывает, выбивает из тебя всё лишнее. Оставляет только мышцы и кости. И они, кажется, благодарят.

На часах одиннадцать. Солнце уже высокое, свет за занавесками плотный, южный. Нужно пить кофе. И собирать своё сознание — оно разбежалось по углам номера, по вчерашним километрам, по запаху полыни, который всё ещё живёт где-то в ноздрях. Растворимый. Кипяток. Размешанный ручкой. Ритуал повторяется, но теперь — не ночной, не спасительный, а утренний, почти бодрый.

Сдаю ключ. Девушка уже другая — свежая, выпавшаяся, улыбается по-настоящему. Блондинка с тонким запястьем, наверное, ушла в свои девять часов сна. Я ей даже завидую.

Спускаюсь к машине. Она стоит на солнце, серая, но теперь не сливается с асфальтом — асфальт уже не серый, он белый от света. Открываю дверь — и меня окатывает сухим жаром, будто заглянул в печь. Руль горячий, сиденье липнет к спине. Завожу, едва не обжигая пальцы. Кондиционер выдыхает пылью и надеждой на прохладу.

Еду за завтраком.

За мороженым.

Если вы были в Кореновске и не купили мороженого — я даже не знаю, зачем вы заезжали в этот город. Остановка на трассе, заправка, гостиница — это всё понятно. Но есть вещи, которые нельзя пропустить. Молочное, в хрустящем вафельном стаканчике, чуть подтаявшее с краёв. Вкус детства, когда июль длился вечность, а море было где-то там, за горизонтом событий.

Милый, милый Кореновск. Он напоминает мне детство. Небольшие ухоженные дома с побеленными стенами — из-

вестка блестит на солнце, и кажется, что их только что побелили вчера, хотя, наверное, год назад. Парусиновые тенты над крыльцом, герань на подоконниках. Магазины с говорящими названиями, где тебе расскажут всё: про погоду, про урожай, про нового участкового, и даже то, чего ты не хотел знать. Люди спокойные, лица добрые. Никто никуда не бежит. Даже собаки на заправках здесь другие — не мельтешат, а лежат в тени с невозмутимым видом.

Я жую мороженое за рулём, слушая, как тает вафельный хруст. Завтрак — лучше не придумаешь. Впереди — ещё тысяча километров, но сегодня они не пугают. Сегодня я выспался. Я в Кореновске. И море уже близко — так близко, что его запах, кажется, смешался с молочным вкусом. Или мне только кажется.

Не важно.

"Вдоль дороги, или Заметки о совершенстве"

Выезжаю из Кореновска.

Город остаётся сзади, слепит в зеркало заднего вида. Я не оборачиваюсь. Я знаю, что он там, и этого достаточно.

Начинается новая глава дороги. Прекрасное время, когда я могу увидеть то, чего не видел в городе. Я еду на море, и степь расстилается передо мной бесконечно — серая лента дороги, белое небо, которое сливается с землёй на горизонте. Тишина. Бесконечная, глубокая тишина.

И вдруг — они.

Они появляются внезапно. Две, три, пять фигур на обочине. Высокие, грациозные, неподвижные, как изваяния, которые забыли убрать после выставки. Они стоят головами к ветру, и гривы их чуть шевелятся — единственное движение в этом застывшем мире.

Ты сбавляешь скорость.

Городской человек забывает, какие они большие. В городе лошадь — это картинка в интернете, детская карусель или, если повезёт, прогулка в парке, где она кажется игрушечной среди бетона и зданий. Здесь, в степи, она настоящая. Ты видишь мускулы под кожей, круп, который блестит от пота, ноздри, которые раздуваются, вдыхая сухой воздух.

И глаза.

Лошадь — удивительное создание. Вы когда-нибудь смотрели в эти глаза? Да они же человеческие. Не потому, что они похожи, а потому, что в них есть то же самое — глубина, в которой можно утонуть, и боль, которую не выразишь словами. Они не говорят, но они смотрят. И в этом взгляде — всё. Всё, что есть в мире, и всё, чего в мире нет.

Природа удивительна. Сколько всего прекрасного она создала. Лошадь — завершённое совершенство. Её линии, её движения, её дыхание — всё на своих местах. В ней нет лишнего. Она — ответ на вопрос, который никто не задавал.

А потом, после всего этого, зачем-то взяла и создала человека. Зачем? Я смотрю на лошадь, потом на свои руки. И

не нахожу ответа. Чтобы портить? Чтобы строить города и тосковать по полям? Чтобы придумать расписания и бояться опоздать? Она создала совершенство — и тут же, рядом, поставила несовершенство. Для контраста? Или просто — ошиблась?

Я смотрю на лошадь, и мне смешно. Не весело — горько-смешно. Вот оно, всё, что нужно.

И в этом, пожалуй, вся ирония. В этом весь сарказм природы.

Я смотрю на них, и я никогда не устану ими восхищаться. Никогда.

Проходит время. Или не проходит. Я не знаю, сколько я стою. Потом я трогаюсь с места, и дорога снова пуста.

А потом — коровы. Они идут вдоль дороги.

Не спеша. Тяжело. Их бока движутся в такт шагам, и они не смотрят на меня. Они вообще никуда не смотрят. Они просто идут.

И я смотрю на них, и мне приятно. Странное, тёплое чувство. Они не грациозны, как лошади. В них нет этой стати,

этого изящества. Но в них есть что-то другое. Что-то родное. До боли знакомое.

Я смотрю на них, и я там — в детстве. Бабушка ведёт корову с выпаса. Вечер. Солнце уже низкое, тени длинные. Корова всегда останавливается у колодца. У неё свой маршрут, который она не меняет. Бабушка наливает воду в корыто — ледяную, из ведра. Корова пьёт. Долго. С хлюпаньем. Я слышу этот звук. Я помню, как вода стекает с её морды каплями, как она поднимает голову и смотрит на меня без интереса. Светлое было время, впрочем, свет человек впускает сам, должно быть, в этом и проблема...

Оптика степи, или Мост как попытка самоопределения

А теперь впереди — степь.

Она начинается не за городом — она начинается в тот момент, когда перестаёшь верить, что за следующим холмом будет тень. Её нет. Степь не обманывает — она сразу говорит правду: здесь не спрятаться. Ни за деревом, которого нет. Ни за поворотом, который ведёт в никуда.

Асфальт — единственная твёрдость в этом мире, и он плавится. Чёрный, маслянистый, он блестит под солнцем, как спина дохлого кита, и воздух над ним дрожит, искажая горизонт. Кажется, что дорога течёт. Что она живая и тоже хочет уползти в тень, но тени нет — и она просто лежит, корчится, дышит жаром.

Солнце здесь не светит. Оно давит. Оно висит над головой, как раскалённая сковорода, и ты чувствуешь его не кожей — ты чувствуешь его внутри. Оно проникает через стек-

ло, через одежду, через веки. Оно добирается до костей и начинает их сушить, вытягивая влагу, как губка вытягивает воду. В носу — сухой, обжигающий воздух, от которого хочется чихнуть, но нечем. В горле — песок, хотя ты не открывал окна.

Запах. В степи есть только один запах — и это ковыль. Он растёт здесь повсюду. Серебристый, сухой, жёсткий на ощупь, он стелется по земле, как седые волосы, и шевелится даже от того ветра, которого ты не чувствуешь. Создаётся иллюзия, что степь дышит. Что она живая. А когда солнце падает на него под определённым углом, ковыль вспыхивает белым, почти ослепительным — кажется, что земля покрыта инеем. Но это не холод. Это жар, выбеленный до состояния стерильности.

И этот запах — сухой, горьковатый, въедливый. Он проникает в ноздри и остаётся там. Он впитывается в одежду, в волосы, в кожу. Он смешивается с потом и становится частью тебя. И через месяц, в городе, где идёт дождь и пахнет мокрым асфальтом, ты вдруг чувствуешь его снова — этот призрачный, сухой, солнечный запах и понимаешь, что степь не отпускает.

Горизонт — это не линия. Это зубец, который дрожит, струится, распадается на миражные озёра. Они блестят впе-

реди, синие, манящие, обещающие прохладу. Но ты уже знаешь: они лгут. Это не вода. Это солнце корчится в предсмертной игре, создавая миражи, чтобы сбить с толку, чтобы заставить тебя свернуть с дороги и поехать за ними в пустоту. Ты не сворачиваешь. Ты знаешь.

И птицы. Их почти нет. Только изредка — чёрная точка в небе, парящая неподвижно. Она не машет крыльями. Она просто висит, как будто приклеена к белому небу, и смотрит вниз. Ждёт. Пока кто-нибудь упадёт. Но ты не падаешь — ты едешь, и кондиционер выдыхает тёплый воздух, уже почти бесполезный, потому что солнце победило.

Степь изнутри — это тишина. Но не спокойная. Это тишина, которая звенит. Она проникает в уши, заполняет голову, и ты слышишь, как кровь стучит в висках — гулко, сухо, как метроном. Жара вымывает мысли. Остаётся только движение — вперёд, вперёд, туда, где море. Потому что если остановиться — она тебя возьмёт. Степь не терпит стоячих. Она переваривает их в соль и прах.

И в какой-то момент ты перестаёшь сопротивляться. Ты становишься её частью — выжженным, сухим, текучим. Ты смотришь на её бесконечность и понимаешь: вот она, правда. Без украшений. Без укрытий.

И всё это время, пока вы читали мою оду степи, я ехал к Крымскому мосту.

Сколько раз я бы ни проезжал по нему — каждый раз жду встречи. Как будто он не конструкция из бетона и стали, а живое существо, которое дышит солёным воздухом и помнит всех, кто по нему прошёл. Я знаю, почему это так. Может быть, расскажу вам позже. Может быть, нет. Некоторые вещи нельзя объяснить, их можно только проехать. Медленно. С открытым окном, если бы не эта адская жара.

Но сначала — заправка.

Она возникает из марева, как мираж, но реальная до звона пистолета. Около часа ожидания, очередь, которая стоит на дороге. Водители с одинаковыми лицами — уставшими, злыми, сжатыми в кулак челюстями. Каждый хочет быстрее. Каждый ненавидит того, кто перед ним. И я в их числе.

Стою, держу руки на руле, смотрю на цифры на табло и думаю: с годами всё труднее не оскотиниться. Раньше я пропускал, улыбался, махал рукой. Теперь я считаю секунды, сжимаю зубы и чувствую, как внутри просыпается это — звериное, нетерпеливое, требующее. Хорошо, что очередь движется. Хорошо, что я ещё помню: человек — это тот, кто может ждать.

Подъезжаю. Глушу двигатель. Выхожу в сухой воздух, который обжигает ноздри, будто степь выдыхает мне в лицо. Заправщик — парень лет двадцати, с бейсболкой набекрень и усталыми глазами, которые видели уже сотню таких, как я. Он молча берёт пистолет. Я молча протягиваю карту.

Потом вспоминаю.

Достаю из бардачка плитку шоколада — я всегда вожу их про запас. Кладу на столб рядом с пистолетами. Парень поднимает брови. Я говорю:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.